

**КРУГЛИЙ СТІА,
ПРИСВЯЧЕНИЙ 450-й РІЧНИЦІ НІДЕРЛАНДСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ
ТА 240-й РІЧНИЦІ АМЕРИКАНСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ**

Наукова конференція за участю директора ІСН В. В. Глебова, завідувачів кафедри міжнародних відносин Інституту соціальних наук О. І. Брусилівської та кафедри нової та новітньої історії історичного факультету О. Б. Дьоміна, викладачів та гостей університету, відбулася 9 грудня 2016 року в ІСН ОНУ імені І. І. Мечникова. Серед основних питань, що розглядалися на конференції, — аналіз історичних та дипломатичних джерел, присвячених подіям революцій (Дьомін О. Б., Ковальська М. С., Ковальський С. В., Прохорова А. Ю., Сидун І. В.); аналіз ходу бойових дій під час революцій (Покась М. С., Поспелов А. С.), впливу Реформації на революції (Дятлов В. О.); відображення подій революцій у філософії та мистецтві (Глебова І. Ю., Гребцова І. С.); вплив ідей Нідерландської та Американської революцій на визвольні рухи в Америці та Європі (Вакарчук К. В., Кузьмін Д. В., Максименко І. В.).

Ключові слова: Нідерландська та Американська революції, історичні та дипломатичні джерела, ідеї, бойові дії, революції у філософії та мистецтві.

Дьомін О. Б.

д. іст. н., професор, зав. кафедри нової та новітньої історії
ОНУ імені І. І. Мечникова

**НІДЕРЛАНДСЬКА РЕВОЛЮЦІЯ В УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРИЧНІЙ
ЛІТЕРАТУРІ ХІХ — ХХ СТ.**

Нідерландська революція є знаковою подією світового історичного процесу, так само як і знаковий історіографічний факт світової історичної літератури. Визвольна боротьба привела до радикальної зміни системи управління в нідерландських провінціях та до першої в європейській історії революційної ліквідації монархічної влади Філіпа II представниками місцевої політичної еліти. Не випадково історики наступних століть аж до середини ХІХ ст. замовчували ці сторінки європейської історії. Отож історики російських університетів українських земель першої третини навіть не згадували про Нідерланди. Зокрема, ад'юнкт Харківського університету М. М. Лунін у пробній лекції «Перехід історії середньої до нової і значення цієї останньої» не знайшов місця для історії Сполучених провінцій.

Одним із перших в російській історіографії вказав на роль нідерландських подій магістрант Харківського університету І. О. Сливицький. В магістерській дисертації «Про вплив колоній на політичні перевороти в Європі» (1839 р.) він зазначив негативні впливи політики Іспанії на Нідерланди, закономірність виступу населення провінцій та катастрофічні наслідки для Іспанії повстання нідерландців.

Один із засновників російської та української новістики харківський професор М. Н. Петров в «Нарисах із всесвітньої історії» вказував на деспотизм короля Філіпа II, супротивника прогресу, прибічника католицької церкви, дії якого виявились несумісними із свободами нідерландських провінцій.

Зовсім з іншого боку представлена історія нідерландського повстання в докторській дисертації ад'юнкта кафедри міжнародного права та дипломатії Д. І. Каченовського «Про каперів і призовому судочинству у відношенні до нейтральної торгівлі» (1855 р.). На його думку, повстанці, що базувались на морі, так звані морські гези, стали небезпечними для усіх купців, бо крім іспанців вони почали нападати на усі кораблі і перетворились на піратів. Проте завдячуючи цій практиці інститут каперства з тих часів став визнаною інституцією Західної Європи.

Професор університету св. Володимира (місто Київ) І. В. Лучицький першим вдався до систематичного вивчення соціальної історії нового часу. Розглядаючи релігійні війни у Франції другої половини XVI ст., він стисло відзначив вплив на внутрішнє становище Франції міжнародної європейської політики, в тому числі нідерландського повстання, торкнувся релігійної політики французьких та нідерландських аристократів. В цілому ж, в монографіях Лучицького нідерландські сюжети представлені надзвичайно побіжно та трактуються за аналогією логіки релігійних війн у Франції.

Зате його учень М. М. Любович ще в роки навчання підготував першу в російській історичній науці роботу про Нідерландську революцію. Вона отримала високу оцінку в історіографії першої третини XX ст.: М. Кареев визначив її як єдиний оригінальний російський твір з історії нідерландської революції, а В. Бузескул — «як видатна робота». Зате радянська історіографія (О. Л. Вайнштейн, Е. В. Гутнова) проігнорували публікацію Любовича.

Між тим, студентська робота Любовича «Марникс де Сент-Альдегонд как политический писатель» заслуговує на увагу історіографії і в XXI ст. Він справедливо оцінив внесок американського історика Д. Мотлі як початок серйозного вивчення революції. Одночасно він критично віднісся до релігійного пояснення причин революції в роботі Мотлі. На відміну від свого вчителя, автор, фактично вперше в російській історіографії, називав нідерландські події виключно революцією і однозначно вбачав в них соціальне підґрунтя.

Радянська влада висунула нові вимоги до історичної науки: історія революцій та історія робітничого класу стало завданням номер один молодій радянській історіографії. За таких умов з'явилась в 1929 р., як своєрідне виконання соціального замовлення, науково-популярна книжка харківського історика М. М. Пакуля про нідерландську революцію. Наукову вагомість публікації засвідчило її доопрацьоване видання у Москві в 1931 р. Однак демонстрація марксизму у Пакуля не мала показний характер, бо навіть у московському виданні він зробив лише два посилання на Ф. Енгельса і одне на К. Маркса. Головне полягало в тому, що він достатньо вдало, як для марксизму, виклав події у Нідерландах другої половини XVI ст. у рамках формаційного бачення.

У післявоєнні часи революція у Нідерландах епізодично присутня в публікаціях українських істориків. Історії англо-нідерландських відносин революційних часів присвячена кандидатська дисертація (захищена в 1984 р.) одеського історика О. Б. Дьоміна, учня радянського історика, завідувачого сектором історії середніх віків Інституту всесвітньої історії Академії наук СРСР О. М. Чистозвонова, провідного спеціаліста з історії нідерландської революції. Отож не випадково Одеський державний університет імені І. І. Мечникова став у травні 1991 р. ініціатором проведення єдиної в СРСР Всесоюзної наукової конференції молодих вчених, присвяченій 450-річчю нідерландської революції. У сорока доповідях (16 із України) розглядалися питання ранньобуржуазних революцій, хоча про нідерландську революцію говорилося лише в двох доповідях.

Ситуація практично не змінилась і в кінці ХХ — на початку ХХІ ст. В українському історіографічному просторі лише час від часу з'являлись публікації стосовно революції в нідерландських провінціях. Дьомін продовжив публікації щодо взаємозв'язку міжнародних відносин і революції. Н. Г. Подоляк торкалась впливу революції на долю Ганзейського союзу у контексті історії союзу. Молода київська дослідниця С. А. Ковбасюк розглядала популярну культуру населення Нідерландів перших десятиліть революції (до 1580-х рр.).

Таким чином, в українській історіографії, незважаючи на відсутність сучасних досліджень нідерландської революції, зберігається певна традиція залучення її історії до українського наукового простору.

Ковальський С. В.

к. іст. н., доцент кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова

АМЕРИКАНСЬКА ВІЙНА ЗА НЕЗАЛЕЖНІСТЬ У СУСПІЛЬНИХ ТА НАУКОВИХ ОЦІНКАХ БРИТАНЦІВ КІНЦЯ ХІХ — ПОЧАТКУ ХХ ст.

У 2012 р. Національний музей армії в Лондоні провів голосування для визначення 5 осіб, яких англійці вважають історичними ворогами своєї Батьківщини. Перше місце в опитуванні зайняв Джордж Вашингтон, за якого проголосувало 45 % усіх респондентів. Цей випадок доводить, що пересічні мешканці Великої Британії продовжують вбачати в американській війні за незалежність історичну несправедливість.

Сучасна історична наука у Великій Британії ставиться до зазначених подій більш стримано. В рамках «Imperial studies» превалює точка зору, що дати 1775–1783 рр. стали межею, коли припинила своє існування так звана «Перша Британська імперія» і відкрився шлях до становлення імперії нової якості. Оновлена «Друга Британська імперія» в ХІХ ст. перетворилась на наймогутнішу морську державу в світі і проіснувала до середини ХХ ст. Історики також знаходять символізм в тому, що в 1760–70-ті рр. на фоні «американської катастрофи» світ побачив паровий двигун Дж. Ватта та роботу Адама Сміта з політекономії, які стали «іконами» нового індустріального світу.

В останній третині XVIII ст. британське суспільство не змогло змиритись із революційними подіями в Америці, про що свідчили публічні заяви, історичні труди, преса тощо. Проте майже через сто років, у пізню вікторіанську добу, Велика Британія відрізнялась плюралізмом думок та можливістю зазирнути у революційні події з різних підходів. В кінці XIX ст. англійське суспільство стало прагматичним, старі образи та невдачі виправдовувались лише з консервативних позицій. В той же час нові колоніальні інтереси підштовхували суспільство до самоаналізу, об'єктивізму у сприйнятті минулого, навіть до самокритики. Під таке переосмислення підпадала й історія США. Незважаючи на зростаючий імперіалізм в думках та діях, британці сприймали США як повноправного суверенного учасника дипломатичного спілкування. В суспільній думці майже не простежувались реваншистські чи ностальгічні почуття щодо колишніх колоній. Навпаки, стійкі дипломатичні відносини ставали національним пріоритетом обох країн.

Британська корона не висловлювала офіційних привітань щодо столітнього ювілею американської незалежності, проте не було ніяких зворотних висловів чи акцій. Навпаки, англійська делегація була присутньою на величезній промисловій виставці в Філадельфії, запланованої на 1876 р. якраз з метою популяризації сторіччя незалежності США. Експозиції Великої Британії та її колоній були одними з самих масштабних. Сам факт перебування на цьому заході представників з Великої Британії та відсутності критики вказувало на згоду англійців із політичним підтекстом промислової виставки.

З матеріалів преси відомо, що в 1870-ті рр. американська символіка активно популяризувалась в таких «білих колоніях», як Австралія та Нова Зеландія. Напередодні ювілею незалежності США були задокументовані випадки експозиції американського прапора та проведення банкетів на честь американського уряду. Колоніальна адміністрація та центральна влада відносились до цих випадків достатньо нейтрально, що відображено у відповідних повідомленнях в центральних та колоніальних газетах. Також британські ЗМІ за 1880–90-ті роки регулярно повідомляли, що на початку липня американська громада у Лондоні відмічала день незалежності «з особливим розмахом». На ці заходи також запрошувались офіційні представники від англійської влади та відомі особи. У Сідней 4 липня 1899 р. відбувся імпровізований парад американських та англійських військових моряків, на якому був присутній губернатор Нового Південного Уельсу (Австралія).

У вікторіанський період відбувалось й наукове переосмислення американської революції в контексті нових реалій Британської імперії. Так, в останній третині XIX ст. ліберальні публіцисти та політичні діячі (наприклад, Дж. Морлі) в своїх творах високо оцінювали «прагнення американців до своєї свободи», бачили в американській незалежності поштовх людства до прогресу. В ліберальному контексті американську революцію досліджував сер Джордж Отто Тревел'єн. Англійський політичний діяч та публіцист, батько відомого історика першої половини XX ст., з 1899

по 1905 р. опублікував 5-томне видання «Американська революція». Хоча Тревельян називав Велику Британію Батьківщиною (mother-land) американських колоній, він залишав за колоністами право на бунт. Головну причину конфлікту історик бачив в нерозумній політиці Георга III. Відповідно до його концепції, головним фактором революції був конфлікт між королем та його вігським оточенням, що спричинило неправомірну податкову систему в Північній Америці. Останнє, в свою чергу, викликало конфлікт між колоністами та британською аристократією. Тревельян високо оцінював лідерів американської революції, в описах головних подій намагався дотримуватися наративізму, іноді доводячи його до об'єктивного аналізу. Політизація його роботи полягала не в оцінці американців, а в описах внутріполітичної кон'юнктури Англії, критикуючи короля та партію торі.

Примітною була також оцінка американських подій, яку надали християнські соціалісти. Так, в 1876 р. Джон Малком Ладлоу видав історичне дослідження під назвою «Війна за американську незалежність. 1775–1783 рр.». Автор намагався показати історію англійських колоній до 1760-х рр., надати моральну оцінку відносин колоністів із індіями та неграми-рабами. У нього простежувались елементи економічного аналізу у визначенні причин революції. Проблема американської революції приділена увага в багатьох комплексних роботах того часу, присвячених загальній історії Великої Британії. Наприклад, праця викладача Оксфордського університету Франка Брайта «Історія Англії. Період III: Конституційна монархія. 1689–1837». Окремі розділи періоду Георга III присвячені подіям в Північній Америці, які описуються як наслідок загальної кризи Великої Британії.

Отже, в кінці XIX ст. суспільна та наукова увага були зосереджені на американській революції, в першу чергу, у зв'язку із сторічним ювілеєм незалежності США та необхідністю подальшого переосмислення місця своїх колишніх колоній в світовій системі. Неофіційні акції вказували на підтримку американської незалежності з боку англійського та колоніального суспільства. Науковий рівень досліджень американської історії у Великій Британії був мало політизованим. Тому, в кінці XIX — на початку XX ст. замість реваншизму спостерігалась тенденція до осмислення американців як самотньої нації.

Прохорова А. Ю.

аспірантка кафедри нової і новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова

НАЧАЛО НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИСПАНСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ

Реалии сегодняшнего времени в странах Западной и Центральной Европы были сформированы революционными процессами. Опыт Нидерландской революции (1566–1609 гг.) интересен тем, что революция была одной из первых революций в Европе. Ей предшествовали острые социальные противоречия, но они были сильно подогреваемы экономическим фактором, обостренным чужеземным вмешательством.

Сын Карла V, Филипп II, получив трон, руководствовался интересами испанского дворянства, как и у его отца, у него была цель создания католической империи. Для достижения своих целей Филипп II оставил в Нидерландах испанские войска, введенные туда во время войны с Францией, сосредоточил фактическую власть в стране в руках консультов, и увеличил число епископов, дав им полномочия инквизиторов для искоренения ересей.

Поскольку все эти акты исходили от наместников, по сути являющихся чужеземными правителями, наместница Маргарита Пармская и кардинал Гранвелла заслужили всеобщую ненависть в стране.

С начала 60-х годов усилили свое влияние протестантские течения. Кальвинистские консистории в крупных городах (Турне, Валансьене, Антверпене, Хондсхоте и др.) перешли к организации массовых выступлений. На кальвинистские проповеди, проходившие обычно в окрестностях городов по ночам, стекались тысячные толпы бедного люда, привлеченного не только религиозным рвением, но и щедро раздававшейся там консисториями милостыней. Все большее число людей приходило на проповеди с оружием, и эти проповеди выливались затем в подлинные вооруженные смотры.

Филипп II по совету епископа Арраса вновь вел в действие указ 1550 г. В указе было сказано, что никто не должен печатать, писать, копировать, сохранять, скрывать, продавать, покупать или давать в церквях, на улицах или в других местах любых книг Лютера, Кальвина и других еретиков, которые осуждались Святой Церковью. Неповиновение этому указу наказывалось погребением заживо, или костром, а имущество обвиняемых конфисковалось короной.

Вначале, однако, указ не исполнялся с излишней поспешностью. Ему открыто стали противостоять в Голландии, наотрез отказались в Антверпене и в Брабанте. К первым росткам повиновения отнеслись терпимо. Филипп хотел денег, чтобы он смог вести войну между Испанией и Францией. В письме к герцогине Пармской он сказал, что все будут прощены, кто принимал участие в заговоре. Он также считал указ о введении инквизиции умеренным и исполненным благодати.

Филипп II был до изуверства деспотичен в вопросах религии. В письме к герцогине Пармской он говорил о том, что его цель состоит в том, чтобы найти тех, кто не ведет себя как должно, и вернуть их на путь истинный. Поскольку церковь это инструмент, который применяется с древних времен и является полностью законной в соответствии с канонами гражданского права, Священного Писания.

Необходимость инквизиции он объяснял этими же причинами, если придется отменить инквизицию, то следовать предписаниям истинной церкви не будет возможным, и еще тем, что было достаточного количества епископов. Увеличение епископов он объяснял тем, что они являются хорошими пастырями и могут заботиться о пастве, и они ведут себя в соответствии с распоряжениями святой церкви.

К середине 60-х гг. XVI в. в Нидерландах начались сильные волнения среди городской бедноты, рабочих мануфактур, крестьян. Испанский посол в Англии Гусман де Сильва считал, что было скрытое недовольство и

среди дворянства, несмотря на то, что они внешне соблюдали законы. Посол оказался прав.

Оппозиционные дворяне создали союз «Компромисс», объединивший несколько сот человек. Свои требования они сформулировали в специальном обращении к правительству. 5 апреля 1566 г. члены союза вручили обращение наместнице Маргарите Пармской. Они требовали восстановления вольностей страны, смягчения «плакатов», созыва Генеральных Штатов, указывая, что невыполнение их требований может вызвать всеобщее волнение и бунт, первыми жертвами которого станут дворяне. Высказывая свои соображения Филиппу II, де Сильва был уверен, что наместница будет действовать со своей обычной осторожностью. Действительно Маргарита Пармская лишь обещала довести просьбу дворян до сведения короля, а пока, до его решения, временно ограничила преследования еретиков. Маргарита Пармская действовала аккуратно; она хотела, чтобы предложения были лишь частично введены, а инквизиторам приказала быть скромными и осмотрительными в их делах. Таких решений было недостаточно.

В своем описании событий 1566 г. Якоб Весенбеке (Wesenbeke) подчеркнул то глубокое разочарование, возникшее в Нидерландах, когда стало известно, что Генеральные Штаты не участвовали в обсуждении вопросов политики. Что вместо этого советы провинций лишь были информированы о решениях регента, не дав возможность обсудить их. И после такого, по словам Якоба, жители были правы, что начали яростно протестовать и не прислушиваться к правительству. Стало ясным, что широкие слои населения были убеждены в том, что проводить религиозную политику следует по решению Генеральных Штатов, а не королю в одиночку.

Филипп II был недоволен действиями своей наместницы, и возразил, что все это было ненужным, поскольку он бы ни в коей мере не изменил религиозное законодательство своего отца.

Испанская корреспонденция показывает, что король Испании Филипп II совершенно не понимал, как обстоят дела. Он был чрезвычайно уверен в своих силах и не видел надвигающейся угрозы. Ни сообщения Маргариты Пармской, ни советы епископов, ничто не могло сломить его политическое ослепления.

Покась М. С.

к. ист. н., доцент кафедры новой и новейшей истории
ОНУ имени И. И. Мечникова

РОЛЬ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ФРАНЦИИ В ПОБЕДЕ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сухопутные войска королевства Франция сыграли решающую роль в победе над британскими войсками в Новом Свете и, тем самым, сыграли существенную роль в появлении на свет Соединенных Штатов Америки.

К 1776 г. сухопутные войска североамериканских повстанцев состояли из Континентальной армии, которая представляла собой милицию, набран-

ную на год, и разрозненные отряды собственно милиции, которые не подчинялись армейскому командованию и вели, фактически, исключительно партизанские действия. Кроме того, Континентальная армия, по данным современных американских историков, состояла, вопреки распространённым заблуждениям, отнюдь не из патриотически настроенных фермеров, а из на вербованных молодых людей (18–22 года) из городских низов, не имеющих профессии и постоянного источника дохода, а в роли её офицерского состава выступали представители местной администрации и наиболее зажиточные горожане, чей военный опыт и образование оставляли желать лучшего. Соответственно, до 1778 г. американская армия была партизанской армией, и по факту воевать в открытом бою не могла. Любой регулярный бой заканчивался для нее беспорядочным бегством. Неудивительно, что европейские державы не спешили со вступлением в войну против Великобритании, аргументировано не доверяя подобному союзнику.

Оценку боеспособности американской армии можно получить, в частности, из письма посла США во Франции Джона Адамса графу де Верженну, госсекретарю Франции по иностранным делам, от 13 июля 1780 г. Адамс признает, что вопрос бездействия американской армии — это осознание того, что англичане сильнее и на суше, и на море, и что все успехи американцев под Филадельфией и на побережье — это результат воздействия французского флота, угрожавшего господству английского.

Только после победы американцев в сражении при Саратоге (1778 г.), когда американская армия показала пусть минимальную, но боеспособность, Франция и Испания вступили в войну на стороне США.

Тем не менее, после получения известия о вступлении в войну ряда великих держав, Континентальная армия активных боевых действий не вела, выжидая развития событий. В то же время англичане, осознавая невозможность переброски своих крупных контингентов в Северную Америку из-за действия франко-испанского флота, также не проявляли особой активности, предпочитая действовать руками индейских племён.

Французы, в свою очередь, собирались сражаться не для того, чтобы помочь американцам, а для того, чтобы нанести максимально возможный ущерб англичанам. В целом, французское руководство всё ещё пребывало под впечатлением поражения в Семилетней войне и жаждало реванша. Соответственно, в Западном полушарии регионами наиболее активных боевых действий для французов стали острова Карибского бассейна, от захвата которых Франция могла получить непосредственную и значительную выгоду.

Только 10 июля 1780 г. в Род-Айленде высадились первые несколько тысяч регулярных французских солдат из «Особой Экспедиции» генерал-лейтенанта Жана-Батиста Бонасьена де Виме графа де Рошамбо. К августу французский корпус состоял из семи пехотных полков, подразделений морской пехоты, Иностранного легиона и артиллерии — всего более 8 тыс. человек. Но активно вступать в боевые действия французы не спешили, знакомясь с местным ТВД и союзниками, с которыми, а вернее — за которых предстоит воевать.

Шло также обсуждение плана весенне-летней кампании 1781 г. Главнокомандующий Континентальной армии Вашингтон предлагал непосредственный штурм Нью-Йорка, где находились основные силы британской армии (более 10 тыс. человек), при этом французы и американцы не только бы ввязались в сложную атаку города, но французский флот был бы вынужден дать генеральное сражение эскадре британского адмирала Грейвза, причем в невыгодной для себя ситуации — на мелях, в устье реки Гудзон.

Рошамбо, напротив, предложил нанести удар по британским силам на юге под командованием генерала Чарльза Корнуоллиса, призвав её к побережью Чесапикского залива и заблокировав с моря.

В марте 1781 г. американо-французские войска перешли в наступление. Общая численность объединённой армии составляла около 19 тыс. человек, и, пользуясь почти двукратным превосходством в живой силе, они смогли призвать войска Корнуоллиса к побережью в районе глубоководного порта Йорктаун. Англичане не опасались осады, так как снабжение по морю позволяло им удерживать этот плацдарм неограниченно долго, однако 30 августа у Йорктауна появляется французская эскадра адмирала де Грасса, которая в битве в Чесапикском заливе не позволила британскому флоту прорваться в Йорктаун и перебросить туда подкрепления.

Осада Йорктауна длилась с 28 сентября по 17 октября 1781 года, причём американский и французский контингенты показали очень разную боеспособность. По признанию самого Вашингтона, американские батареи попросту не попадали по вражеским укреплениям, а когда англичане организовали контратаку на одну из американских батарей, то потери американцев при штурме составили всего 1 раненого солдата — остальные попросту разбежались, и отбивать батарею пришлось французам.

Тем не менее, к 17 октября Корнуоллис посчитал возможности сопротивления исчерпанными, и англичане капитулировали. В ходе капитуляции английский представитель попытался вручить свою шпагу Рошамбо, подчёркивая, что англичан победили не американцы, но французы, и только недюжинные дипломатические способности Рошамбо позволили избежать скандала между союзниками.

Необходимо также отметить, что потери французов при осаде Йорктауна оказались вдвое выше, чем у американцев, что говорит о реальном участии различных контингентов непосредственно в бою.

Капитуляция армии Корнуоллиса была переломным пунктом в борьбе на суше. Учитывая фактическое господство франко-испанского флота у побережья Северной Америки и продолжающуюся войну в Индии, Лондон принял политическое решение прекратить борьбу за 13 колоний и предоставить им независимость.

Таким образом, французский сухопутный контингент сыграл решающую роль в победе Континентальной армии над англичанами в Северной Америке.

Поспелов А. С.

к. ист. н., доцент кафедры новой и новейшей истории
ОНУ имени И. И. Мечникова

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФЛОТОВ В НИДЕРЛАНДСКОЙ (1566–1609 гг.) И АМЕРИКАНСКОЙ (1776–1783 гг.) БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ

Военно-морской флот, с момента выхода его корабельной составляющей в открытое море, всегда был не столько элементом войны, сколько одним из ведущих инструментов внешней политики, напрямую привязанной к географической составляющей того или иного узла противоречий. Роль флотов в конфликтах революционного типа является уникальной с исторической и оперативно-стратегической точек зрения. Прежде всего, потому, что именно в этих событиях происходил одновременный процесс создания, становления и, в силу объективных причин, нестандартного применения военных флотов повстанческих или революционных военно-политических образований.

Впервые в мировой истории военный флот у сил, борющихся за независимость своей страны, появился в ходе Нидерландской буржуазной революции. Его основу составили так называемые «морские гёзы» — по сути, морские партизаны. Их комплектование шло за счёт жителей прибрежных населённых пунктов Голландии, в первую очередь рыбаков. Технической основой флота морских гёзов стали самые многочисленные парусные суда абсолютно разных классов, прежде всего *биландеры* и более крупные и мореходные *хольки*. Эти суда, в отличие от испанских *галеонов* и *каракк*, отличались относительно высокой скоростью хода, исключительной маневренностью, особенно на мелководье, адекватной театру мореходностью, простотой строительства, ремонта и эксплуатации при слабом вооружении. Однако этот недостаток с лихвой компенсировался количественным превосходством кораблей морских гёзов и прекрасной подготовкой, помноженной на их высочайший боевой дух.

Геополитической основой действия морских гёзов стала весьма малая по площади и плотно заселённая территория Северных и Южных Нидерландов, значительные расстояния, связывающие их исключительно по морю с метрополией — королевством Испания и трассировка всех морских путей вблизи берегов Англии — тогда геополитического противника Мадрида и естественного союзника революционной Голландии. Не случайно согласие английской короны на базирование в период 1667–1673 гг. на своей территории флотилий морских гёзов делало стратегические коммуникации Испании заведомо уязвимыми.

В этих условиях гёзы пытались применить стратегию «молота и наковальни», действуя против испанского флота у берегов Нидерландов как из родных вод, так и из британских. Сложные погодные условия Северного моря и примитивная навигация делала большинство попыток бить испанцев на водных просторах относительно слабыми. Однако именно они изматывали флот Мадрида, заставляли его привязываться только к важным

в стратегическом отношении прибрежным районам, ставя его в заведомо невыгодное положение. Поражение испанцев у Зейдерзе в октябре 1573 г. и их крайне трудная осада Зиркизе в 1575–1576 гг. показали весьма невыгодную конфигурацию испанских сил, сражающихся против революционных Нидерландов, заведомо проигрышную с геополитической точки зрения.

В этой связи абсолютно не фатальным для гёзов явилось решение Елизаветы I выдворить их из британских баз в начале 1572 г. Действуя даже со своей территории, гёзы сохраняли возможность как наносить успешные, хотя и не определяющие удары по испанцам, так и самостоятельно, либо совместно с внешними союзниками оперировать и на отдалённых морских коммуникациях Мадрида. Техническим подспорьем последнего стал *флейт* — тип голландского морского парусного судна с корпусом в форме груши, что придавало ему исключительную мореходность на любых театрах, как раз и возникшего в ходе Нидерландской революции. Основой же возобновления союза с Англией, по определению, было колониальное соперничество Лондона, Мадрида и Амстердама. Раз так, то Конtrarмада — рейд союзного англо-голландского флота к берегам Испании под руководством знаменитого Ф. Дрейка в 1589 г., хотя и не достигла успеха, означала перенесение революционными Нидерландами боевых действий на тыловые коммуникации противника. Разгром же испанского флота у Гибралтара 25 апреля 1609 г. де-факто означал победу первой в истории буржуазной революции и голландского ВМФ как её непосредственной производной.

По-иному складывалась роль флота в Американской революции, более известной на русскоязычном историографическом пространстве как Война за независимость США. Огромная протяжённость (с севера на юг) 13 восставших против британской короны колоний, их открытый выход в Атлантический океан при относительно малой численности населения (а значит, и подготовленных мореходов) в сочетании с бытовавшей до 1765 г. крайне благоприятной для колонистов-пуритан политикой официального Лондона крайне усложняло борьбу революционеров на море. Во-первых, протяжённость и разнообразие морских путей на данном театре превышало даже самые фантастические возможности повстанцев. Во-вторых, серьёзным британским плацдармом в северной Америке была Канада, закрыть морские пути в которую борцы за независимость США не могли физически. В-третьих, число и качество кораблей, которые американские патриоты могли направить на британские коммуникации, не выдерживало никакой критики (не более 50 вооружённых судов класса *бриг*). Их единственным преимуществом могла быть лишь скорость (порядка 12 узлов в бейдевинд против 11 у британских фрегатов). Однако британцы, исключительно по экономическим соображениям, сразу же после начала боевых действий в 1776 г. умудрились выставить против зарождающегося американского флота адекватные обстоятельствам малые, но в то же время быстроходные, крайне маневренные и неплохо вооружённые *куттера*, за которыми маячил «призрак» «настоящих» боевых кораблей. Потому

неудивительно, что к концу 1778 г. только что родившийся американский ВМФ был практически полностью уничтожен Королевским флотом. Выжили и продолжили действовать по принципу «кусай и беги» с нанесением «булавочных уколов» лишь те «американцы», экипажи которых ещё до революции поднаторели в контрабандных операциях, в том числе и связанных с работорговлей. Впрочем, молодые Соединённые Штаты сохранили свои бриги и прочую «мелочь» на Великих озёрах, пытаясь перерезать имеющие вспомогательное значение на данном театре британские водные коммуникации.

В этих условиях вполне оправданным стало обращение «отцов-основателей» США, прежде всего Б. Франклина к Королевству Франция за действенной против Великобритании помощью (сам выдающийся американец вернулся в США в январе 1778 г. на французском фрегате «Бель Поль», который, возвращавшись, выиграл бой с целой британской эскадрой). Париж, жаждавший реванша с Лондоном после Семилетней войны, быстро отреагировал на подобную просьбу и направил к берегам будущих США практически всё, что имел во флотском арсенале, вместе с союзными эскадрами Нидерландов и Испании. Уже к 1781 г. союзники добились более чем двукратного превосходства над Королевским флотом, впервые в истории заставив его уйти с конкретного театра. Выигранное французским флотом 5 сентября 1781 г. Чесапикское сражение стало болезненным ударом по Туманному Альбиону и не менее обидным для так и не прославившегося американского ВМФ.

Впрочем, пусть и неудачный, но ценный опыт создания и боевого применения по сути рейдерского флота лёгких кораблей был адекватно оценен в США, и построенные в начале XIX в. американские бриги и фрегаты, после своеобразной «тренировки» в Триполитанской кампании 1803–1804 гг., исключительно успешно проявили себя в ходе англо-американской войны 1812–1814 г. как на Атлантике, так и на Великих озёрах.

Гребцова И. С.

д. ист. н., профессор кафедры новой и новейшей истории
ОНУ имени И. И. Мечникова

ЭПОХА НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ XVI–XVII ст.

Нидерландская революция была первой успешной буржуазной революцией в Европе. Совершившись в стране, подчиненной иноземному господству, революция приобрела форму войны за независимость от испанской короны и проходила под идеологическим знаменем кальвинизма. Революция победила лишь на севере страны, где для этого сложились наиболее благоприятные экономические, социальные и политические предпосылки, разделив Нидерланды на Голландию и Фландрию. Освободительная борьба и победа революции имели огромное влияние на развитие национальной культуры. Центром науки в Голландии стал Лейденский университет, ос-

нованный в 1575 г., вскоре после того, как Лейден отразил наступление испанцев. Утвердившаяся терпимость к инакомыслию привела к тому, что здесь находили приют выдающиеся ученые и философы из других стран. Быстрыми темпами развивались точные и естественные науки, философия и юриспруденция.

Национальный нидерландский язык, сложившийся на основе прежнего нижненемецкого диалекта, сменил латынь и занял господствующее положение в гуманитарных науках и литературе. На нем была, в частности, написана патриотическая хроника П. Хофта (1581–1647), в которой подробно раскрывались события революции и освободительной войны. В трагедии «Герард ван Велсен» Хофт предпринял попытку создать образ национального героя, борца против феодального гнёта. На нидерландском языке писал свои пьесы крупнейший голландский драматург И. ван Вондел (1587–1679), автор героических трагедий, основная тема которых — освободительная борьба Нидерландов. При этом Вондел рисует ее то индифферентно, обращаясь к библейским сюжетам («Самсон», «Давид», драма «Пасха»), то к реальным событиям истории своей родины (трагедия «Гейсбрехт ван Амстел»). В трагедии «Люцифер» в аллегорических образах воспета борьба Нидерландов с Испанией.

Однако наибольших успехов в Голландии достигло изобразительное искусство. В канун революции вершиной национально-реалистического направления были живописные полотна Питера Брейгеля Старшего (1525/1530–1569). Он формировался как художник в Антверпене, был близок с радикально настроенными деятелями Нидерландов и посвящал свои работы жизни простого народа, за что получил прозвище «мужицкий». В композициях «Уборка урожая» и «Возвращение стада» он первым даёт яркие картины крестьянского труда; жизнелюбием отмечены сцены отдыха и веселья жителей нидерландской деревни в картинах «Крестьянская свадьба» и «Крестьянский танец». Эти произведения написаны с чувством уважения к простым людям и лишены идеализации. Острые социальные противоречия времен испанского владычества нашли своё выражение в трагических по замыслу поздних произведениях Брейгеля. Его «Избиение младенцев» — это реальная сцена расправы отряда испанских войск над жителями нидерландской деревушки; картина «Калеки», изображающая безногих нищих, проникнута острым чувством протеста против жестокости жизни; знаменитая композиция «Слепые» перерастает в обобщённый образ трагической судьбы обездоленных. Брейгель сконцентрировал в своем искусстве все достижения нидерландской живописи предшествующей поры, его творчество стало предвестником грядущей революции.

Следующее поколение живописцев резко отличается от Брейгеля. Хотя главные события нидерландской революции падают на этот период, революционный пафос в искусстве последней трети XVI ст. практически не проявился. Жанровая и портретная живопись этой поры переживает период подъема, но произведения ее лишены внутренней значительности. Наиболее известными из них были написанные в 80-е гг. XVI ст. полотна: «Стрелковое объединение капитана Розенкранса» К. Кетеля и «Стрелковая

компания» К. Корнелиссена. Впрочем, живопись последней трети XVI ст. имеет, в первую очередь, интерес как основа и переходная ступень, из которой выросли национальные школы Голландии и Фландрии наступавшего века.

Именно в XVII ст. сложилась и расцвела знаменитая голландская национальная школа живописи. Выдающимся ее представителем был портретист Франс Халс (1580–1666). В групповых портретах офицеров стрелковых гильдий св. Георгия и св. Адриана художник запечатлел характерную для Голландии форму защиты городов от неприятеля — создание отрядов гражданской гвардии, набравшихся из местных жителей. В этих полотнах художник увековечил образы героев своей эпохи. Он расширил рамки группового портрета введением сюжетных элементов, запечатлевая портретируемых в действии, в конкретной жизненной ситуации, акцентируя мимику, жест, позу. Халс изображал своих героев без прикрас. Веселое, с оттенком юмора настроение объединяет разных по характерам офицеров. На портретах — сильные, энергичные люди, недавно принимавшие активное участие в освободительной борьбе против испанских завоевателей. Художник успешно добивался эмоциональной силы и жизненности характеристик портретируемых, передачи их неумной энергии.

Вершиной голландской школы живописи стало творчество Рембрандта Харменса ван Рейна (1606–1669), работавшего в жанре группового и индивидуального портрета, станковой живописи, офорте. Настроение жителей Голландии после революционных бурь он особенно ярко отразил в картине, получившей в XVIII в. название «Ночной дозор» (1642), хотя на ней, возможно, была изображена дневная сцена. Художник сумел придать групповому портрету характер сюжетного полотна, содержание которого и сегодня имеет целый ряд толкований и гипотез. На картине представлены члены амстердамской бюргерской роты капитана Кока с поднятыми знаменами и заряженными пищалями. Вместо традиционного группового портрета, где каждый герой одинаково ценен, Рембрант дал картину выступления вооруженной дружины, устремляющейся под звуки барабана за своими командирами. На переднем плане — Франц Банинг Кок и лейтенант Виллем Ван Рейтенбурх. Портретная характеристика изображаемых отступила на второй план перед динамичностью сцены. В этом монументальном произведении слышится отзвук времен Нидерландской революции. Наполненное революционной героикой полотно стало совершенно новым словом в жанре группового портрета XVII ст., своего рода смелым экспериментом, который не смогли по достоинству оценить заказчики и многие современники.

Следует отметить, что события борьбы Нидерландов за независимость нашли отражение и в живописи Испании. Наиболее ярко исторические события предстают в работе Диего Веласкеса (1599–1660) «Сдача Бреды» (1834–1835). Это эпизод временных неудач голландцев, когда в июне 1625 г. после девяти месяцев осады герцог Юстин фон Нассауский, голландский наместник Бреды, вручает ключи от своего города генералу Амбросио Спиноле, командующему испанской армией. Известно, что акт ка-

питуляції состоялся в обстановке взаємного уваження, которая мастерски передана Веласкесом. На фоні пейзажа представлені дві протистоящіє армії. Войско переможців-іспанців зображено потужним монолітом, над яким возвишається ліс копій. Отсюдова друге названіє картини — «Копія». Голландці небагато численні, вони олицетворяють повержену армію. Голландський наместник почитально вручає ключі від міста Спінола, який без тіні превосходства похлопує бывшего протистивника по плечу, отдавая дань його мужеству и стойкости его воинов. У Веласкеса переможитель являл собой идеал іспанського рыцаря — великодушного и благородного. Он был лично знаком с генералом и хотел его видеть именно таким. Подобное представление было новым в іспанській живописи, где генерал Спінола обычно зображался високомерным триумфатором. В обоіх групах багато великопеліпных, свободно написанных портретов. Отряды голландцев и іспанцев разделяет открытое пространство, на фоні которого четко читаются фигуры военачальников. За ними открывається широкая равнина с проходящими войсками и крепостью, окутанной утренним туманом и дымом пожаров. Веласкес, в отличие от большинства художников того времени, предпочитавших вводить в исторические композиции мифологические персонажи, аллегории и иносказания, трактует исторический сюжет жизненно, естественно, с поразительной психологической глубиной.

Таким образом, победа революции и установление республиканского строя обусловили общий характер голландской культуры XVII ст. В живописи Голландии особенно четко проявились реалистические, демократические тенденции, присущие голландской культуре в революционную эпоху. Нидерландская революция оказала огромное влияние не только на развитие национальных культур Голландии и Фландрии, но и на европейскую культуру в целом. Сюжеты борьбы Нидерландов за независимость нашли отражение в творчестве ряда выдающихся мастеров европейской живописи.

КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 450-й ГОДОВЩИНЕ НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И 240-й ГОДОВЩИНЕ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация

Научная конференция при участии директора ИСН В. В. Глебова, заведующих кафедрой международных отношений Института социальных наук О. И. Брусиловской и кафедры новой и новейшей истории исторического факультета О. Б. Демина, преподавателей и гостей университета, состоялась 9 декабря 2016 года в ИСН ОНУ имени И. И. Мечникова. Среди основных вопросов, которые рассматривались на конференции, — анализ исторических и дипломатических источников, посвященных событиям революций (Демин О. Б., Ковальская М. С., Ковальский С. В., Прохорова А. Ю., Сидун И. В.); анализ хода боевых действий во время революций (Покаш М. С., Поспелов А. С.), влияние Реформации на революции (Дятлов В. О.); отражение событий революций в философии и искусстве (Глебова И. Ю., Гребцова И. С.); влияние идей Нидерландской и Американской революций на освободительные движения в Америке и Европе (Вакарчук К. В., Кузьмин Д. В., Максименко И. В.).

Ключевые слова: Нидерландская и Американская революции, исторические и дипломатические источники, идеи, боевые действия, революции в философии и искусстве.

WORKSHOP SANCTIFIED TO 450TH ANNIVERSARY OF NETHERLANDS REVOLUTION AND 240TH ANNIVERSARY OF AMERICAN REVOLUTION

Abstract

Scientific conference with participation of Director of Institute of Social Sciences V. Glebov, Chiefs of the Department of International Relations of ISS O. Brusylovskaya and the Department of New and Contemporary History of Historical Faculty O. Demin, teachers and guests of University, took place on December, 9, 2016 in ISS ONU. Among basic questions that was examined on conference were analysis of the historical and diplomatic sources sanctified to the events of revolutions (Demin O., Kovalska M., Kovalski S., Prohorova A., Sidun I.); analysis of motion of battle actions during revolutions (Pokas M., Pospelov A.), influence of Reformation on revolutions (Diatlov V.); a reflection of events of revolutions in philosophy and art (Glebova I., Grebcova I.); influence of ideas of revolutions in Netherlands and North America on liberation movements in America and Europe (Vakarchuk K., Kuzmin D., Maksimenko I.).

Key words: revolutions in Netherlands and North America, historical and diplomatic sources, ideas, battle actions, revolutions in philosophy and art.